

Научная статья
УДК 398.1
DOI 10.18101/2686-7095-2022-4-62-68

**ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДАНИЯ О ХОРИДОЕ В ФОЛЬКЛОРЕ
БУРЯТ ПРИБАЙКАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ С. П. БАЛДАЕВА)**

© **Дебенова Зинаида Анциферовна**

стажер-исследователь,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
debenova@gmail.com

© **Исаков Александр Викторович**

стажер-исследователь,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
alexandr_isakov98@vk.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению локальных особенностей преданий о Хоридое в фольклорной традиции прибайкальских бурят. Материалом исследования стали записи преданий, сделанные С. П. Балдаевым. Большая часть текстов, хранящихся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, вводится в научный оборот впервые. Выделен ряд аспектов, в которых обнаруживается локальное своеобразие рассматриваемых преданий. Первый аспект связан с персонажным рядом: в фольклоре прибайкальских бурят существуют варианты предания, где в качестве волшебной жены Хоридоя фигурирует не лебедица, а гусыня. Различия обнаруживаются и в том, с какими персонажами бурятской мифологии идентифицируется жена: это может быть прародительница монголов Алан-гоа, дочь тэнгрия Эсэгэ-Малана, либо, что характерно именно для западнобурятской традиции, дочь тэнгрия Шара-Хасара. Локальная специфика также может проявляться в месте действия преданий, в мотивном ряде, а также в интертекстуальных связях преданий о Хоридое с фольклорными текстами других жанров.

Ключевые слова: несказочная проза, генеалогическое предание, хори-буряты, Хоридой, волшебная жена, вариативность, С. П. Балдаев.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», проект №121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI в. в контексте межцивилизационного взаимодействия»).

Для цитирования

Дебенова З. А., Исаков А. В. Локальные особенности предания о Хоридое в фольклоре бурят Прибайкалья (по материалам С. П. Балдаева) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 4. С. 62–68.

Изучение фольклорной несказочной прозы бурят остается актуальной исследовательской задачей. В последнее время к этой теме обращался ряд ученых: В. Ш. Гунгаров [7], Б. Б. Бадмаев [1], Л. Ц. Малзурова [8]. Однако к настоящему моменту учёными охвачен далеко не весь имеющийся полевой материал. В частности, в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН хранится большое количество записей бурятских преданий, значительная часть которых ещё не была вовлечена в научный оборот. Так, например, представляют научный интерес записи Сергея Петровича Балдаева (1889–1979), выдающегося бурятского филолога-фольклориста, который большую часть жизни занимался сбором и изучением устного народного творчества. В частности, большой интерес вызывают записи предания о Хоридое. Это один из центральных текстов хори-бурятского фольклора, сочетающий в себе признаки тотемического и генеалогического предания. Это предание хорошо известно как ученым, так и широким слоям бурятского общества. Помимо активного устного бытования оно было инкорпорировано в тексты бурятских исторических хроник, а также стало основой для ряда литературных произведений. Примечательно, что массовую известность обрела версия предания о Хоридое, зафиксированная у хори-бурят Забайкалья. В этой версии Хоридой обретает чудесную жену-лебедицу, которая становится матерью его 11 (в другом варианте — 6) сыновей — будущих прародителей хоринских родов. Образ предка-лебедицы в мифологическом и художественном сознании хори-бурят сакрализован, он нашёл отражение не только в предании, но и в обрядовом, панегирическом фольклоре, например в распространённой формуле: «Хун шубуун гарбалтай, хуһан модон сэргэтэй» — «С прародительницей-лебедицей, с березовой коновязью».

Здесь необходимо заметить, что территория традиционного проживания хори-бурят не ограничена Забайкальем: часть этого племени была расселена и в Прибайкалье, на территории современной Иркутской области [6, с. 51]. Исходя из этого вполне ожидаемо, что среди прибайкальских бурят тоже было распространено предание о Хоридое, и это подтверждается полевыми записями С. П. Балдаева. Как известно, фольклорные сюжеты часто демонстрируют большую пластичность, им свойственна изменчивость во времени и пространстве. Территориальная разобщённость является фактором, способствующим «разветвлению» фольклорной традиции с порождением новых, отличных друг от друга локальных вариантов. Это, как мы сейчас покажем, хорошо наблюдается и в случае с преданием о Хоридое у западных бурят в сравнении с его забайкальскими вариантами. При знакомстве с этими текстами обнаруживаются некоторые особенности, отличающие предания о Хоридое прибайкальских бурят от преданий, бытовавших к востоку от Байкала. Поскольку в научных работах до сего дня предание о Хоридое рассматривалось почти исключительно на материале восточнобурятских текстов, введение в оборот материалов, записанных в Прибайкалье, и анализ их локальных особенностей видятся нам более чем целесообразными.

Материал исследования составляют опубликованные и неопубликованные тексты, записанные С. П. Балдаевым на территории современной Иркутской области в прошлом веке. Один из текстов был опубликован им в книге «Бурят арадай аман зохёолой түүбэри» («Собрание бурятского фольклора») [2, с. 330–331].

Большая же часть материала нигде не опубликована и хранится в личном архивном фонде С. П. Балдаева¹.

В проведенном исследовании нами использованы описательный, структурный и сравнительный методы изучения фольклорных текстов. Одним из основных элементов рассматриваемого предания является небесное происхождение сыновей Хоридоя, которые впоследствии и стали основателями 11 хоринских родов. Как мы упоминали, в наиболее распространенном варианте сюжета женой Хоридоя является волшебная дева-лебедь, которая превращается в человека, скинув свое птичье одеяние на время купания. Несмотря на то, что мотив с обращением птицы в прекрасную девушку сохраняется во всех без исключения вариантах, в версиях, записанных С. П. Балдаевым, чудесной птицей является вовсе не лебедица, а гусыня.

Существует лишь один опубликованный вариант предания, где женой Хоридоя является гусыня. В записи 1945 г. на бурятском языке [2, с. 330–331] при описании волшебной одежды небесных девушек используется словосочетание «шубуун хубсаһа» – «птичье одеяние». О какой конкретно птице идет речь, становится ясно лишь в самом конце, когда Хоридой, пытаясь удержать вновь обратившуюся в птицу жену, хватает ее грязными руками за ноги: «Тэрээн дээрэһээ галуунай хулын хара юм» – «И с тех пор у гусей черные лапы».

В процессе работы с личным архивом С. П. Балдаева мы обнаружили ещё ряд записей, в которых также фигурирует жена-гусыня. В деле № 337² это предание представлено в двух версиях, записанных в 1917 и 1940 гг. Стоит отметить, что они приведены на русском языке, скорее всего — в переводе собирателя. В них используется выражение «гусяное платье». Одна из записей заканчивается сведениями о том, что буряты совершают жертвоприношения весной и осенью во время перелета гусей. У восточных бурят то же самое говорится про лебедей. Из этого можно сделать вывод, что образ гусыни у западных хоринцев функционально идентичен образу лебедицы у восточных хори-бурят.

Также в записи 1917 г. приводится текст призывания на бурятском языке, которое бытовало у бурят Гушитского улуса: «Хон шубуун гарбалимнай» — «Благородные птицы — наше происхождение». Данное призывание также встречается в материалах других собирателей (например, у П. Т. Хаптаева³), и этот текст совпадает с общеизвестным племенным магталом восточных хори-бурят за исключением того, что в забайкальском варианте говорится «хун шубуун», а в предбайкальском — «хон шубуун». Слово «хон» в отличие от «хун» не означает какой-то конкретной птицы и может пониматься и как «гусь», и как «лебедь». Привлекает внимание тот факт, что Балдаев слово «хон» всегда переводит как «гусь», в то время как в призывании, относящемся к хонгодорской традиции, «хон» он уже переводит как «лебедь». Тот факт, что собиратель по-разному переводит одно и то же слово в двух разных контекстах, объясняется тем, что он опирался на свой полевой материал.

¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архивный фонд № 36. Ед. хр. 1262, 337.

² Там же. Ед. хр. 337.

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общий архивный фонд. Ед. хр. 2337.

Нужно отметить, что Балдаев в ряде своих научных работ утверждает, что тотемом хори-бурят является именно гусыня¹ [3, с. 16]. Мы попытались прояснить факт появления образа гусыни в предании западных хори-бурят через поиск параллелей в фольклоре родственных народов. В аналитическом каталоге «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина [4] имеется раздел под названием «Волшебная жена — лебедь, гусыня, утка, журавль». Здесь можно увидеть, что мотив жены или матери-гусыни присутствует в фольклоре алтайцев, казахов и амурских эвенков. Все эти народы, как и буряты, относятся к алтайской языковой семье. В алтайском сюжете герой старик Танзаган просит у белой лягушки жену и та посылает ему гусыню, что превращается в красавицу, и он берет ее в жены. В казахском сюжете 40 гусынь, вырастивших ханского наследника и впоследствии ставших его женами, являются прародительницами киргизского народа. Название киргизов объясняется как «Кэрэк-Кыз-Каз-Ак» — «40 девиц, гусей белых». Эвенский сюжет в каталоге упоминается, но не приводится. Таким образом мы можем предположить, что образ гусыни связан с общеалтайской мифологией.

Интересно, что в ряде текстов чудесная жена Хоридоя идентифицируется с определенными женскими персонажами бурятской мифологии. Так, в некоторых записанных С. П. Балдаевым преданиях говорится, что гусыню-прародительницу хоринцев звали *Алан-гова*. Это один из вариантов имени Алан-гуа — легендарной прародительницы монголов — в бурятском фольклоре. Предания, в которых утверждается, что женой Хоридоя была именно Алан-гуа, были зафиксированы и у восточных, и — как мы сейчас убедились — у западных бурят. (Однако в бурятской традиции существуют и тексты, в которых Алан-гуа называется дочерью Хоридоя.) В одном из вариантов предания, который приводится в работе С. П. Балдаева «Тотемы бурятского народа»², говорится, что жена Хоридоя была дочерью тэнгрия Шара-хасара и звали ее Гули-дангина. Других текстов о Хоридое, где бы упоминался тэнгрий Шара-хасар или имя волшебной жены Гули-дангина, нам не известно. Заметим, что более распространена версия, согласно которой жена Хоридоя — волшебная девушка-птица — была дочерью тэнгрия Эсэгэ-Малана.

Среди других примечательных особенностей преданий о Хоридое, собранных С. П. Балдаевым в Прибайкалье, можно отметить необычную локализацию действия в одном из текстов, записанном в 1940 г. в Нукутском аймаке³. Здесь говорится, что девушки-гусыни купались в озере *Нүхэн нуур*. Есть два озера с таким названием — одно из них находится на острове Ольхон (русское название Нуку-Нур), другое — в Баяндаевском районе Иркутской области (русское название Нуху-Нур). К сожалению, мы не можем точно установить, какое из них имелось в виду рассказчиком предания. При этом во многих других текстах действие предания о Хоридое локализуется на Ольхоне и говорится, что обретение им чудесной жены произошло на берегу Байкала.

---

¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архивный фонд № 36. Ед. хр. 1262, 1263, 337.

² Там же. Ед. хр. 1262.

³ Там же. Ед. хр. 337.

В этом же тексте нами замечена еще одна интересная деталь: когда девушки-гусыни прилетели на берег озера и, обернувшись людьми, стали купаться, Хоридой, чтобы остаться незамеченным, превратился в конский помет. В других известных нам текстах мотив превращения Хоридое отсутствует, как и указание на наличие у героя каких-либо магических способностей. Можно сделать вывод, что данная деталь является нетипичной для предания о Хоридое и выделяется на фоне традиции.

Отдельно хотелось бы остановиться на тексте под названием «Хоредой-мэргэн», зафиксированном в 1934 г. в Качугском районе¹. Этот текст начинается с описания генеалогии Хоридое: говорится, что он был сыном Барга-батара, как и во многих других преданиях о Хоридое. Однако последующий сюжет совершенно не совпадает с традиционным: здесь рассказывается не об обретении волшебной жены-птицы, а о том, как пастух Хоридой обиделся на тэнгрия Эсэгэ-Малана за то, что ворон выклевал его телёнку глаза. Этот сюжет, очевидно, заимствован из бурятской сказки. Так, например, он совпадает с сюжетом сказки «Сирота Боро» («Үншэн Боро»), опубликованной в сборнике «Бурятские волшебные сказки» [5, с. 268–275]. Начало текста ясно даёт понять, что речь идет именно о Хоридое, сыне Барга-батара, а не о каком-то его тезке, т. е. рассказчик имеет в виду того же персонажа, что действует и в предании о женитьбе на девушке-птице. Можно предположить, что обнаруженный нами текст, где «чужой» сюжет приписан Хоридое, свидетельствует о начавшейся циклизации фольклорных сюжетов вокруг образа Хоридое. Как известно, один из путей фольклорной циклизации — это циклизация вокруг одного главного героя, когда разные сюжеты объединяются общим действующим лицом. Вероятно, подобный процесс циклизации мог начаться и вокруг образа Хоридое как прародителя племени хори. По всей видимости, этот цикл все-таки не сформировался окончательно и не вошёл в традицию, но определённые предпосылки к этому были.

Итак, мы обнаружили, что в фольклоре прибайкальских бурят существуют варианты предания о происхождении племени хори, где в качестве волшебной жены Хоридое фигурирует не лебедица, а гусыня. Также нами выделен ряд других локальных особенностей этого предания в фольклорной традиции западных бурят. Как мы видим, в бурятской фольклористике существует проблема большой вариативности генеалогических преданий, на которую необходимо обратить внимание современным исследователям. Остается большое количество архивного материала, не введенного в научный оборот, изучение которого может значительно расширить наши представления о фольклорной традиции бурят.

Литература

1. Бадмаев Б. Б. Легендарно-исторические герои в несказочной прозе бурят: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 2000. 207 с. Текст: непосредственный.
2. Балдаев С. П. Бурят арадай аман зохёолой түүбэри. Улан-Удэ: Бурядай номой хэблэл, 1960. 412 с. Текст: непосредственный.
3. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: НоваПринт, 2019. 710 с. Текст: непосредственный.

¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архивный фонд № 36. Ед. хр. 337.

3. А. Дебенова, А. В. Исаков. Локальные особенности предания о Хоридое в фольклоре бурят Прибайкалья (по материалам С. П. Балдаева)

---

4. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения: 30.08.2022). Текст: электронный.

5. Бурятские волшебные сказки / составители Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Новосибирск: Наука, 1993. 341 с. Текст: непосредственный.

6. Буряты / ответственные редакторы Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 2004. 633 с. Текст: непосредственный.

7. Гунгаров В. Ш. Современное бытование бурятских легенд и преданий (по материалам полевых исследований в Бурятии и Монголии в 70–90-х годах): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Улан-Удэ, 1993. 23 с. Текст: непосредственный.

8. Малзурова Л. Ц. Жанровая специфика, типология бурятских легенд и преданий: монография / ответственный редактор С. С. Бардаханова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 234 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 18.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 01.12.2022.

LOCAL FEATURES OF THE LEGEND OF KHORIDOI
IN THE FOLKLORE OF THE BURYATS OF CISBAIKALIA
(BASED ON MATERIALS BY S. P. BALDAEV)

Zinaida A. Debenova

Research Assistant,

Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

debenova@gmail.com

Aleksandr V. Isakov

Research Assistant,

Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

alexandr_isakov98@vk.com

Abstract. The article considers the local features of the legends of Khoridoi in the folklore tradition of the Baikal Buryats. The study is based on the records of legends made by S. P. Baldaev. Most of the texts stored in the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of Institute for Mongolian Buddhist and Tibetan Studies SB RAS are introduced into scientific circulation for the first time. We have singled out a number of aspects, which ascertain the local originality of the considered legends. The first aspect is related to the character series: in the folklore of the Baikal Buryats there are variants of a legend, where not a swan, but a goose appears as the fairy wife of Khoridoi. Differences are also found in what characters of Buryat mythology the wife is identified with: it can be the progenitor of the Mongols Alan-go, the daughter of the Tengri Esege-Malan, or, which is typical for the Western Buryat tradition, the daughter of the Tengri Shara-Khasar. Local specificity can also manifest itself in the place of action of the legends, in the motifs, as well as in the intertextual connections of the legends of Khoridoi with folklore texts of other genres.

Keywords: non-fabulous prose, genealogical legend, Khorī-Buryats, Khoridoi, fairy wife, variability, S. P. Baldaev.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the state assignment (project No. 121031000259 “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region”, project No. 121031000302-9 “Written Records of the Peoples of Russia and Inner Asia in Oriental Languages and Archival Documents of the 18th — early 21st Centuries in the Context of Intercivilizational Interaction”).

For citation

Debenova Z. A., Isakov A. V. Local Features of the Legend of Khoridoi in the Folklore of the Buryats of Cisbaikalia (based on materials by S. P. Baldaev). *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2022; 4: 62–68 (In Russ.).

The article was submitted 18.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 01.12.2022.